

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 73–82.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 73–82.

Научная статья
УДК 811.161.1'27
DOI: 10.37482/2687-1505-V391

Перцептивный портрет Беловежской пушчи в региональном языковом сознании

Инна Леонидовна Ильичева

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь,
e-mail: ilicheva@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3610-8147>

Аннотация. Представлены результаты экспериментального исследования перцептивного воплощения концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА как фрагмента региональной картины мира. Цель настоящей статьи – охарактеризовать способ выражения рассматриваемого концепта в языковом сознании жителей Брестского региона на основе моделирования и анализа его перцептивной составляющей. Основным методом исследования выступает антропометрический – в сочетании с приемами статистического и контекстного анализа. Материалом служат ассоциативные реакции на словосочетание-стимул «Беловежская пушча», полученные автором в ходе обработки 300 анкет респондентов. Участники эксперимента – жители Брестской области – относятся к трем возрастным группам: школьники, студенты, занятое население. Описание перцептивных признаков выстраивается от наиболее частотных к наименее частотным. В результате количественной обработки реакций выявлены хроматологический, аудиальный и ольфакторный образы концепта. В каждом из этих образов фиксируются доминантные и периферийные единицы. В ходе исследования установлено, что границы между характеризуемыми модусами не являются четкими. Респонденты, описывая Беловежскую пушчу, в ряде случаев используют симбиоз сразу нескольких модусов, на основе которого фиксируются осязательно-зрительные, вкусо-обонятельные и зрительно-слуховые образы. Феномен синестезии служит средством выражения впечатлений и эмоций от посещения Беловежской пушчи. Анализ полученных данных позволяет определить концепт БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА как коммуникативно релевантный в восприятии жителей Брестчины: в региональной картине мира не только актуализируется понятийный компонент, но и моделируется многоуровневый перцептивный образ, наполненный уникальными коннотациями. **Ключевые слова:** направленный ассоциативный эксперимент, региональное языковое сознание, ольфакторный образ, хроматологический образ, аудиальный образ, полимодальность, Беловежская пушча

Для цитирования: Ильичева, И. Л. Перцептивный портрет Беловежской пушчи в региональном языковом сознании / И. Л. Ильичева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 73-82. – DOI 10.37482/2687-1505-V391.

Original article

Perceptual Portrait of Belovezhskaya Pushcha in Regional Linguistic Consciousness

Inna L. Ilyicheva

Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus,

e-mail: ilicheva@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3610-8147>

Abstract. The article presents the results of an experimental study on the perceptual embodiment of the BELOVEZHSKAYA PUSHCHA concept as a fragment of regional worldview. The research aimed to characterize the way this concept is expressed in the linguistic consciousness of residents of the Brest region by modelling and analysing its perceptual component. The main research method applied in the paper is the anthropometric method, combined with statistical and contextual analysis techniques. The material consists of associative reactions to the stimulus phrase *Belovezhskaya Pushcha*, obtained by processing 300 respondent questionnaires. All the participants in the experiment are residents of the Brest region and represent three age groups: schoolchildren, students, and the working population. The perceptual features are arranged from the most to the least frequent. As a result of quantitative processing of the reactions, the following images of the concept were identified: chromatological, auditory, and olfactory. In each of these images, dominant and peripheral units were recorded. The analysis established that the boundaries between the modes are unclear. In a number of cases, to describe Belovezhskaya Pushcha respondents used a symbiosis of several modes, based on which tactile-visual, gustatory-olfactory, and visual-auditory images were recorded. The phenomenon of synaesthesia serves as a means of conveying one's emotions and impressions in connection with the visit to Belovezhskaya Pushcha. The analysis of the data obtained showed that the BELOVEZHSKAYA PUSHCHA concept is communicatively relevant in the perception of residents of the Brest region: in the regional worldview, not only the conceptual component is updated, but also a multi-level perceptual image filled with unique connotations is modelled.

Keywords: *directed associative experiment, regional linguistic consciousness, olfactory image, chromatological image, auditory image, multimodality, Belovezhskaya Pushcha*

For citation: Ilyicheva I.L. Perceptual Portrait of Belovezhskaya Pushcha in Regional Linguistic Consciousness. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 73–82. DOI: 10.37482/2687-1505-V391

Введение

Настоящая работа осуществляется в рамках диссертационного исследования «Коммуникативное пространство Брестчины» и продолжает цикл публикаций¹, посвященных изучению

языкового сознания представителей регионального социума.

Человек познает мир сенсорно и ментально [1, с. 9]. Каждый этап обработки информации осуществляется с учетом предыдущего, по-

¹Ильичева И.Л. К вопросу об ассоциативном образе региона // Вестн. Дагест. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманит. науки. 2024. Т. 39, вып. 1. С. 78–86; Ильичева И.Л. Образ Брестской области по материалам ассоциативного эксперимента (моделирование и интерпретация) // Изв. СПбГУ. 2023. № 6(144), ч. 1. С. 12–19; Ильичева И.Л. Визуальный и вербальный образы региона в языковом сознании жителей Брестчины // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 2. С. 45–54.

скольку, как пишет Е.С. Кубрякова, «отношения в цепочке “реальность – ощущения – восприятие – когниция” носят весьма сложный характер. Язык – отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только восприятие, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [2, с. 95].

Результатом познавательного процесса и единицей совокупного (коллективного) знания служит концепт. Данный феномен обладает сложной, многомерной структурой. По мнению В.И. Карасика и соавторов, «концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [3, с. 8]. Концепты являются культурно маркированным квантом регионального знания, «окружены эмоциональным, экспрессивным и оценочным ореолом» [4, с. 146] и играют важную роль в поисках региональной идентичности.

В настоящее время особый исследовательский интерес у отечественных и зарубежных специалистов вызывает рассмотрение концептов с позиций лингвокультурологического подхода, что, несомненно, обусловлено доминирующей ролью антропоцентрической парадигмы лингвистического знания. Осуществляя лингвокультурологическое моделирование концептов, ученые в своих трудах обращаются к материалу одной или нескольких лингвокультур (Е.С. Жигачева, С.К. Сапиева, Л. Цзюань, Д. Жань, Ч. Мань Хай). В ряд таких работ вписывается и исследование концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА, который является одним из ключевых региональных ментефактов Брестской области Республики Беларусь.

В коммуникативном пространстве Брестского региона анализируемый концепт – коммуникативно релевантный, поскольку регулярно выступает предметом обсуждения, обмена информацией и выражения отношения жителей региона. Будучи наделенным мощной этнокультурной составляющей, анализируемый концепт имеет языковое воплощение в различных видах дискурсивных практик.

Научная новизна исследования заключается в том, что региональный лингвокультурный

концепт БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА рассматривается на материале фрагмента языкового сознания жителей Брестского региона.

Цель данной работы – выявление и описание перцептивной специфики концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА в языковом сознании жителей Брестчины.

В качестве теоретической базы исследования использованы труды известных специалистов (А.А. Клименко, Н.И. Кургановой, А.А. Леонтьева, Т.В. Ушаковой, А.В. Рудаковой, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, В.А. Пищальниковой, М.Н. Довгалюка, Ж.Б. Абилюдиновой), занимающихся вопросами изучения языкового сознания.

Вслед за Н.В. Уфимцевой мы полагаем, что «языковое сознание (или язык в его психолингвистической трактовке) – это и есть система предметных значений, которые могут овнешняться, в том числе и в вербальной форме. <...> Это знания, полученные в процессе социализации в рамках определенной культуры, выраженные с помощью языка» [5, с. 11].

Теоретическая значимость настоящей работы мыслится во вкладе в дальнейшее углубленное изучение смыслового содержания образов восприятия Брестского региона его жителями. Практическая ценность видится в возможности использования полученных результатов в лекционных курсах общего языкознания, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, ассоциативной лингвистики, теории коммуникации, в спецкурсах по регионоведению. Иллюстративная часть статьи и выводы могут быть полезны специалистам в области имиджологии при разработке коммуникативных стратегий в процессе формирования имиджевой политики Брестского региона.

Материалы и методы

С целью выявления и описания перцептивных признаков концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА мы обратились к антропометрическому методу исследования, который является одним из способов овнешнения языкового сознания, а «ассоциативные поля, формируемые из реакций носителей языка, дают возможность описывать качества их образов сознания» [5, с. 206].

Ассоциативный эксперимент выступает надежным и эффективным методом, поскольку «обнаруживает деятельностное отношение человека к миру, репрезентированное словом» [6, с. 758], а интерпретация его результатов «позволяет моделировать, в частности, ядро и периферию системы языка, структурную организацию лексикона, смысловые группы и их системную организацию» [7, с. 112]. По словам М.Н. Довголюка, «ассоциативный эксперимент предоставляет возможность проникнуть в языковое сознание человека, проанализировать как собственно содержание концепта, так и языковые стереотипы, а также специфические черты менталитета народа» [8, с. 68].

Участниками направленного ассоциативного эксперимента стали 300 испытуемых в возрасте от 15 до 65 лет: 100 школьников, 100 студентов, 100 представителей занятого населения. Респонденты всех трех возрастных групп – жители разных населенных пунктов Брестской области.

Согласно заданию, участники эксперимента должны были ответить письменно на два вопроса: «С чем у Вас ассоциируется Беловежская пуца?» и «Какие цвета, звуки и запахи у Вас ассоциируются с Беловежской пуцей?» На основе массива полученных данных (1942 ассоциативные реакции) были смоделированы три ассоциативных поля, выделены семантико-когнитивные профили концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЦА.

В данном исследовании мы рассматриваем все полученные ассоциаты как языковые объективаторы, наполняющие определенные семантико-когнитивные профили концепта. Под семантико-когнитивным профилем концепта мы понимаем набор языковых репрезентантов определенной тематической направленности, нацеленных на осмысление значения имени концепта.

Результаты

На первом этапе исследования для каждой группы участников эксперимента путем количественного анализа семантических признаков смоделирована структура когнитивного образа Беловежской пуши.

1. На вопрос «С чем у Вас ассоциируется Беловежская пуца?» больше половины школь-

ников (60 %) ответили, что для них Беловежская пуца – реликтовый лес, заповедная зона; у 40 % школьников Беловежская пуца ассоциируется с туристическим объектом, в частности с резиденцией Деда Мороза.

2. У студентов соотношение аналогичных реакций примерно такое же: в 55 % анкет фиксируется связь с реликтовым лесом и заповедной зоной, в 45 % – с туристическим объектом. Заметим, что у 14 % студентов туристический объект предстает как резиденция Деда Мороза, тогда как у 31 % ассоциации связаны с местом активного отдыха, в частности велопрогулок.

3. Векторы ассоциирования у занятого населения в целом совпадают с двумя другими возрастными группами, однако образ Беловежской пуши более детализирован и имеет дополнительные параметры: Беловежская пуца – реликтовый лес, заповедная зона (69 %); туристический объект (резиденция Деда Мороза (8 %), зона активного (7 %) и пассивного (9 %) отдыха); место подписания соглашения о распаде СССР (7 %). Как видно из приведенных данных, образ Беловежской пуши в сознании представителей занятого населения аккумулирует в себе характеристики, отражающие социально-политический статус национального парка.

Стереотипность восприятия в наибольшей степени проявляется в наполнении семантико-когнитивного профиля «Беловежская пуца – реликтовый лес, заповедная зона». Об этом свидетельствуют тождественные лексем-репрезентанты: *заповедник, богатая флора и фауна, уникальная природа, лес, зубр, животные*. Зафиксированное направление ассоциирования, не коррелирующее со значениями, выделенными в толковых словарях и медиатекстах, – *туристический объект, зона отдыха, место подписания соглашения о распаде СССР* – говорит о социально-политической значимости описываемого объекта.

Семантико-когнитивные профили тесно переплетены с материальным миром и «наполняются благодаря этой связи чувственным содержанием, которое со временем закрепляется в универсальном предметном коде мышления» [9, с. 19].

На втором этапе обработки материала для каждой возрастной группы сформировано ассоциативное поле с выделением в нем трех перцептивных составляющих (ольфакторные, хроматологические и аудиальные реакции), произведено ранжирование составляющих в порядке убывающей частотности ассоциативных реакций. Статистический анализ общего количества реакций представлен в таблице.

Частотность сенсорных реакций, ассоциированных с концептом БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА, у жителей Брестской области разного возраста

Frequency of sensory reactions associated with the BELOVEZHSKAYA PUSHCHA concept in residents of the Brest region from different age groups

Возрастная группа	Общее количество реакций	Количество реакций по типам		
		ольфакторная	хроматологическая	аудиальная
Школьники	549	195	198	156
Студенты	617	206	208	203
Занятое население	777	244	269	264
Всего	1943	645	675	623

Как видим, для всех возрастных групп доминантными являются хроматологические реакции, а аудиальные и ольфакторные уходят на второй план. Это объясняется тем, что восприятие окружающей действительности через цвет позволяет лучше распознавать объекты окружающего мира: цвета существенно влияют на когнитивные процессы, цвет несет в себе информацию, важную для коммуникации.

Далее детально рассмотрим наполняемость ассоциативных полей БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА для всех возрастных групп.

1. Школьники (549 реакций):

198 хроматологических реакций: *зеленый (69), белый, зима (29), коричневый (21), синий (19), желтый (15), зеленый цвет разных оттенков (11), светло-зеленые тона (10), красивые оттенки (6), приглушенные зеленые цвета (6), голубой (5), зелено-голубые оттенки (4), цвета зеленого пейзажа (1), серый (1) белоснежное радодлье (1);*

156 аудиальных реакций: *пение птиц (47), звуки природы (29), звук птиц (21), тишина*

(18), трели птиц (17), шелест листьев (11), звук дождя (7), звуки радости (3), песня «Беловежская пуца» (1), звуки хруста иголок под ногами (1), звуки дятлов (1);

195 ольфакторных реакций: *запах леса (56), запах свежести (55), запах природы (15), запах хвои (14), запах сосен (14), запах цветов (11), запах растений (10), запах грибов (5), запах свежескошенной травы (5), запах блинчи-*

ков с черникой (3), приятный запах (3), запах ели (3), запах свежести без городских примесей (1).

2. Студенты (617 реакций):

208 хроматологических реакций: *зеленый (79), коричневый (47), золотые оттенки осени (18), белый, зима (15), голубой (12), желтый (11), оттенки зеленого и болотного (9), синий (6), светлые цвета (3), красный (2), цвета летнего жаркого дня (1), насыщенные глубокие цвета осени (1), цвет счастья (1), сосны и ели в зимнем серебре (1), деревья, покрытые серебристым зимним жемчугом (1), белоснежная сказка (1);*

203 аудиальные реакции: *пение птиц (59), звуки природы (19), шум крон деревьев (17), шелест листьев (17), трели птиц (15), тишина (15), щебет птиц (12), хруст веток (10), звуки радости (9), звуки веселья (8), звук ветра (7), рев животных (7), мелодичный звук (5), звук дождя (3);*

206 ольфакторных реакций: *запах леса (57), запах свежести (37), запах сосны (24), запах трав (18), запах хвои (18), запах чистоты (15), запах деревьев (12), запах болота (10),*

яркие и насыщенные запахи (10), неприятный запах (1), запах травы в ночи (1), запах земли (1), запах утренней росы и еловых веток (1), запах влаги (1).

3. Занятое население (777 реакций):

269 хроматологических реакций: *зеленый (87), коричневый (39), яркие цвета (19), разнообразная палитра (19), желтый (18), оттенки зеленого (18), цвет голубого неба (13), голубой (9), багряный (9), синий (6), осеннее буйство красок (6), насыщенный зеленый (5), оранжевый (5), соломенный (5), цвет зелени (5), белый (2), золотое солнце (1), хвойно-зеленый (1), цвета величия и таинственности (1), цвета густого зеленого леса (1);*

264 аудиальные реакции: *пение птиц (67), звуки животных (23), звуки природы (21), тишина (19), песня «Беловежская пуца» (19), шум сосен на ветру (17), шелест листвы (17), треск деревьев (13), щебетание птиц (11), трели птиц (10), жужжание насекомых (10), многоголосье птиц (8), звук льющейся воды (7), звук велосипедов (5), крик журавлей (5), уханье совы (3), звук кукушки (3), вдалеке рык медведя (1), мягкий хруст иголок под ногами (1), звуки первозданной природы (1), звуки спокойствия (1), звуки тишины дикой природы (1), звук лося (1);*

244 ольфакторные реакции: *запах леса (69), запах хвои (37), запах мха (20), запах грибов (17), запах ели (13), запах свежей зелени (13), запах сосны (13), запах травы и цветов (13), запах меда (9), запах полевых цветов (9), запах чистого воздуха (7), ароматный запах блинчиков (5), запах цветущей сирени (1), запах дикорастущих растений (1), хвойный аромат (1), запах ишишек (1), влажный аромат свежей зелени (1), аромат (1), легкий запах прелой листвы (1), запах хвои и безграничности (1), запах цветения растений (1), запах вкусных драпировок с лисичками (1), изумительный запах пушанского чая (1), разнообразные ароматы (1), запах бодрости (1), запах опят (1), аромат багряной осени (1), аромат опавших листьев (1), багряный, теплый на ощупь запах листвы (1), мягкий бархатистый запах липового чая (1), янтарный запах осенней листвы (1).*

Следующий этап исследования включал моделирование трех перцептивных образов.

Хроматологический образ концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА. Визуальная перцепция является одной из разновидностей чувственного восприятия и выступает основой для получения знаний об окружающей действительности. Многие исследователи придерживаются точки зрения, что среди сенсорных значений «наиболее развиты и тонко дифференцированы понятийные элементы зрительных ощущений» [10, с. 42], именно они занимают «доминирующее положение в иерархии чувств» [10, с. 101].

Известный ученый Н.Д. Арутюнова неоднократно отмечала, что «человек воспринимает индивидуальные объекты, непосредственно входящие в его перцептивную зону. В этом своем значении предикаты восприятия не выражают пропозициональных установок. Однако восприятие не отделено от ментальных операций, таких как отождествление, таксономия, интерпретация, извлечение импликаций и др.» [10, с. 100]. Другие исследователи подчеркивают, что «цвет является важнейшей из составляющих процесса зрительного восприятия» [11, с. 715].

Цветовая палитра Беловежской пуши в ответах респондентов в большей степени представлена именами прилагательными (91 %), которые по своей природе имеют достаточно широкий смысловой объем. На уровне состава лексики, обозначающей цвет, в ответах респондентов фиксируются специфические индивидуальные особенности. В этом отношении можно выделить: 1) простые прилагательные (462 единицы): *белый, красный, коричневый, синий, голубой, желтый, черный* и др.; 2) сложные прилагательные (14 единиц): *темно-зеленый, зелено-голубой, светло-зеленый*. По словам Н.В. Гутовой, «семантическая подвижность качественных прилагательных обуславливает возможность проявления семантического синкретизма в их значении» [12, с. 7].

Анализ материала показывает, что цветовой спектр восприятия в целом достаточно схож у участников всех трех групп. Цветовыми доминантными маркерами для участников опроса выступают *зеленый (235), коричневый (102),*

желтый (41), *синий* (32), *голубой* (24) – именно они образуют ядерную зону. Цветовые маркеры *серый* и *черный* представлены в незначительном количестве и относятся к крайней периферии.

В качестве абсолютной доминанты 78 % участников эксперимента выделяют лексему *зеленый*. Примечательно, что в ответах респондентов фиксируется достаточно обширный синонимический ряд (305 ассоциативных единиц) для данной доминанты: *зеленый цвет разных оттенков, приглушенные зеленые цвета, цвета зеленого пейзажа, цвета густого зеленого леса, зелено-коричневый цвет, цвет свежей зелени, хвойно-зеленый, темно-зеленый, светло-зеленые тона*.

В материале исследования зафиксированы различные вариативные цветообозначения, в большинстве случаев маркирующие интенсивность цвета (21 единица): *приглушенные зеленые цвета, насыщенные глубокие цвета осени, светлые цвета, яркие цвета, пестрый от цветов, светло-зеленые тона, темно-зеленый, насыщенный зеленый, цвета густого зеленого леса*. Наличие таких хроматологических реакций вполне очевидно: Брестская область характеризуется богатой растительностью и разнообразием представителей животного мира.

Кроме того, в ответах школьников и студентов наблюдается цветовой символизм. Так, *белый* последовательно осмысливается 18 % респондентов как символ зимы, новогоднего праздника, резиденции Деда Мороза в Беловежской пуще. Студенты и школьники развивают значение реакции *белый*, вводя добавочное значение посредством лексем *зима, Дед Мороз, Снегурочка*. В ответах присутствуют и перифрастические обороты: *сосны и ели в зимнем серебре, деревья, покрытые серебристым зимним жемчугом, белоснежная сказка*.

Анализ показывает, что границы между описываемыми модусами не являются четкими: в материале представлены атрибуты, характеризующие одновременно несколько модусов. Так, в списке полученных реакций зафиксированы случаи синестезии. По мнению Л.П. Прокофьевой, «синестезия является системным механизмом, в основе которого лежит процесс эмоционального обобщения» [13, с. 9]. Как многогранный фе-

номен, синестезия представляет собой троп метафорического типа, базирующийся на сопоставлении нескольких разномодальных впечатлений. По мнению И.А. Кривенковой, «сенсорно-ментальное значение лексических единиц усиливает экспрессивную основу поведения» [14, с. 9]. Приведем примеры: *белоснежная сказка, аромат багряной осени, звуки первозданной природы*.

Синестетические метафоры дают яркие со вмещенные образы. Для респондентов осязательная синестезия служит средством выражения эмоций от посещения Беловежской пущи. Осязательная синестезия в сочетании с другими модальностями помогает почувствовать невидимое и неслышимое и составляет с ними образное единство: *теплые золотые краски осени, багряный, теплый на ощупь запах листвы, мягкий бархатистый запах липового чая, янтарный запах осенней листвы*.

Ольфакторный образ концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА. Обоняние – одно из самых древних человеческих чувств. Запахи являются результатом абстрагирующей деятельности человека в процессе обработки наглядно-чувственной информации посредством одного из сенсорных каналов [15], запахи «имеют исключительно чувственную природу» [16, с. 36] и могут выступать определенным триггером для воспоминаний.

Языковые единицы, обозначающие запахи, «изучаются также под терминологическим обозначением “лексика ольфакторного восприятия”» [17, с. 116]. Вербальное обозначение запаха «в сочетании с его источником осуществляется на уровне субстантивных словосочетаний, состоящих из двух полнозначных слов: ольфакторного существительного и существительного, обозначающего пахнущий предмет» [15, с. 11].

Большинство полученных в рамках исследования ассоциатов (93 %) – субстантивные словосочетания. В ходе анализа установлено, что все ассоциативные реакции можно разделить на две группы: запахи природы и запахи, связанные с отдыхом.

Первая группа формируется следующими природными характеристиками: *запахи леса / сосен / хвои* (275 реакций); запах свежести / свежего воздуха (63 реакции); запахи приятных / свежескошенных трав (45 реакций); запах душистых

цветов / цветущих растений / ароматы цветущей сирени (34 реакции); запахи сырости / мха / влажности / дождя (31 реакция); запахи деревьев / листьев / растений / зелени (13 реакций).

Наличие в анализируемом корпусе таких ассоциатов, как *запах ароматных блинчиков* (7), *запах вкусных драников с лисичками* (1), *изумительный запах пушанского чая* (1), *чудесный запах липового чая* (1), можно объяснить тем, что восприятие запаха обусловлено ощущениями субъективного характера.

Ядерную зону ольфакторного образа образуют следующие ассоциативные реакции: *запах леса* (182), *запах свежести* (107), *запах сосны* (51), *запах трав* (35), *запах мха* (20). Периферийные ассоциаты дополняют ядерные и придают перцептивному образу яркие сенсорные оценочные векторы.

Аудиальный образ концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА. В структуре аудиального образа, который достаточно разнообразен по форме манифестации, обнаруживается, безусловно, значительное количество ожидаемых аудиальных реакций.

Первая группа – это звуковой фон живой природы, в частности звуки представителей фауны: *пение, щебетание птиц / птичьи трели, многоголосье птиц / звук дятла / крики журавлей / уханье совы / звук кукушки* (279 реакций); *звуки животных / рев животных / рык медведя / звук лося* (32 реакции); *жужжание насекомых* (10 реакций).

Также к данной группе относятся шум лесных массивов и звуки воды: *шум / шелест деревьев, листьев, шуршания листвы / звук хруста иголок под ногами / звук треска деревьев / шум крон деревьев* (106 реакций); *шум дождя / журчащей воды* (15 реакций). Как видно из приведенных реакций, преобладающими в количественном отношении становятся звуки, издаваемые представителями фауны.

Вторая группа – звуки эмоций и музыкальные звуки: *мелодичные звуки / песня «Беловежская пуца»* (27 реакций); *звуки радости и веселья* (20 реакций). Примечательно, что 10 респондентов в качестве ассоциативной реакции приводят первые строчки песни: *«Заповедный напев, заповедная даль. Свет хрустальной зари, свет, над миром встающий»*.

Третья группа – это *звуки велосипедов*. Такие реакции уходят на периферию ассоциативного поля и представлены только 5 ассоциатами. Наличие данных реакций подтверждает тезис о том, что «человеческие знания и представления о мире закреплены в семантике слова с помощью ассоциативных компонентов» [13, с. 10]. Недавно появившаяся возможность у жителей Брестчины взять напрокат велосипед и получить незабываемые впечатления от велопогулки сразу стала триггером ассоциаций.

Облигаторным маркером слухового восприятия в сознании респондентов выступает тишина: *тишина* (50), *звуки спокойствия* (1), *звуки тишины дикой природы* (1). Следует отметить, что в перцептивном портрете Беловежской пуши тишина противопоставляется очень громким и резким звукам: *звуки животных* (23), *рев животных* (7), *вдалеке рык медведя* (1).

Сопоставительный анализ доминантных аудиальных реакций позволил выявить наиболее частотные: *пение птиц* (67), *звуки животных* (23), *звуки природы* (21), *звуки птиц* (21), *тишина* (19). Единичные реакции, связанные с ощущениями от активного отдыха и веселого времяпрепровождения, органично вписываются в общий «аудиальный» портрет.

Выводы

1. Проведенный анализ свидетельствует о том, что образ Беловежской пуши в сознании жителей Брестского региона – это симбиоз рационального и эмоционального знания, субъективного и объективного опыта. Опора на антропометрический метод анализа лингвокультурного концепта позволила выявить и описать образно-перцептивные составляющие концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА, которые органично дополняют диалектическую связь социального и индивидуального в его семантике.

2. Образно-перцептивная составляющая изучаемого концепта представляет собой релевантные признаки практического знания, которые воспринимаются жителями региона посредством ощущений и чувств, хранящихся в их памяти характеристик предметов и явлений.

3. Проведенный анализ убедительно демонстрирует, что ассоциативное направле-

ние открывает перспективы для дальнейших лингвокультурологических исследований в целях получения дополнительной информации, которой наделяется в коллективном языковом сознании региональный оним.

Возможные перспективы работы в данном направлении усматриваются в анализе дискурсивной вариативности лингвокультурных концептов с позиций межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов: Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2007. 280 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 555 с.
3. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 349 с.
4. Ильичева И.Л. Лингвокультурный концепт РОДИНА сквозь призму восприятия региональной языковой личности: теоретические и прикладные аспекты исследования // Исслед. языка и соврем. гуманитар. знание. 2022. Т. 4, № 2. С. 143–155. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-143-155>
5. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Полянская А.Г., Разумкова А.В., Свинчукова Е.Г., Степанова А.А. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимодействия: коллектив. моногр. / под ред. Н.В. Уфимцевой. Ярославль: Канцлер, 2017. 236 с.
6. Пицальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russ. J. Linguist. 2019. Т. 23, № 3. С. 749–761. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761>
7. Стернин И.А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопр. психолингвистики. 2020. № 3(45). С. 110–125. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125>
8. Довголюк М.Н. Ассоциативно-вербальное поле «АРМИЯ»: лингвокогнитивный аспект: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 167 с.
9. Федулова М.Н. Понятие «концепт» в когнитивных, семиологических и дискурсивных исследованиях. Статья 1 // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 3. С. 13–21.
10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
11. Пасечник Т.Б., Савельева И.Г. Какого цвета чувства? (на материале английских идиом с цветообозначениями) // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 3. С. 714–721. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-3-714-721>
12. Гугова Н.В. Семантический синкретизм вкусовых и осязательных прилагательных в языке и художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 220 с.
13. Прокофьева Л.П. Синестезия в современной научной парадигме // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10, № 1. С. 3–10.
14. Кривенкова И.А. Синестезия в языке художественной прозы М.А. Шолохова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 176 с.
15. Котенева И.А. Номинация запаха во французском языке: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2006. 181 с.
16. Павлова Н.С. Конкретная лексика с семантическим компонентом «запах» (на материале толкового словаря немецкого языка DUDEN) // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманит. науки. 2004. Вып. 8, № 33. С. 33–45.
17. Медведева Д.И. Концептуализация запаха в русской и сербской лингвокультурах // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 1. С. 115–125.

References

1. Prokof'eva L.P. *Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost': universal'noe, natsional'noe, individual'noe* [Auditory and Chromatological Associations: The Universal, the National, and the Individual]. Saratov, 2007. 280 p.

2. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards Knowledge About Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in World Cognition]. Moscow, 2004. 555 p.
3. Karasik V.I., Prokhvacheva O.G., Zubkova Ya.V., Grabarova E.V. *Inaya mental'nost'* [A Different Mentality]. Moscow, 2005. 349 p.
4. Ilyicheva I.L. Linguocultural Concept HOMELAND Through the Prism of Perception of Regional Language Personality: Theoretical and Applied Aspects of Research. *Lang. Stud. Mod. Humanit.*, 2022, vol. 4, no. 2, pp. 143–155 (in Russ.). <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-143-155>
5. Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Balyasnikova O.V., Polyanskaya A.G., Razumkova A.V., Svinchukova E.G., Stepanova A.A. *Regional'noe yazykovoe soznanie komi, russkikh, tatar: problemy vzaimovliyaniya* [Regional Linguistic Consciousness of the Komi, Russians, and Tatars: Mutual Influence]. Yaroslavl, 2017. 236 p.
6. Pishchal'nikova V.A. Interpretation of Associative Data as a Methodological Issue of Psycholinguistics. *Russ. J. Linguist.*, 2019, vol. 23, no. 3, pp. 749–761. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761>
7. Sternin I.A. Problemy interpretatsii rezul'tatov assotsiativnykh eksperimentov [Interpretation Problems of Associative Experiments]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2020, no. 3, pp. 110–125. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125>
8. Dovgolyuk M.N. *Assotsiativno-verbal'noe pole "ARMIYA": lingvokognitivnyy aspekt* [Verbal Associative Field "ARMY": A Linguocognitive Aspect: Diss.]. St. Petersburg, 2016. 167 p.
9. Fedulova M.N. Ponyatie "kontsept" v kognitivnykh, semiologicheskikh i diskursivnykh issledovaniyakh. Stat'ya 1 [The Term "Concept" in Cognitive, Semiologic and Discursive Research. Article 1]. *Vestnik RUDN. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2013, no. 3, pp. 13–21.
10. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, 1988. 338 p.
11. Pasechnik T.B., Savelieva I.G. What Is the Colour of the Feeling (a Case Study of English Idioms with Colour Components). *RUDN J. Lang. Stud. Semiot. Semant.*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 714–721 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-3-714-721>
12. Gutova N.V. *Semanticheskyy sinkretizm vkusovykh i osyazatel'nykh prilagatel'nykh v yazyke i khudozhestvennom tekste* [Semantic Syncretism of Olfactory and Tactile Adjectives in Language and Fiction: Diss.]. Novosibirsk, 2005. 220 p.
13. Prokof'eva L.P. *Sinesteziya v sovremennoy nauchnoy paradigme* [Synaesthesia in a Modern Scientific Paradigm]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*, 2010, vol. 10, no. 1, pp. 3–10.
14. Krivenkova I.A. *Sinesteziya v yazyke khudozhestvennoy prozy M.A. Sholokhova* [Synaesthesia in the Language of M.A. Sholokhov's Fiction: Diss.]. Moscow, 2006. 176 p.
15. Koteneva I.A. *Nominatsiya zapakha vo frantsuzskom yazyke* [Words for Smell in the French Language: Diss.]. Belgorod, 2006. 181 p.
16. Pavlova N.S. *Konkretnaya leksika s semanticheskim komponentom "zapakh" (na materiale tolkovogo slovarya nemetskogo yazyka DUDEN)* [Concrete Vocabulary with the Semantic Component "Smell" (Based on the Explanatory Dictionary of the German Language DUDEN)]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2004, iss. 8, no. 33, pp. 33–45.
17. Medvedeva D.I. *Kontseptualizatsiya zapakha v russkoy i serbskoy lingvokul'turakh* [Conceptualization of Smell in Russian and Serbian Linguistic Cultures]. *Vestnik RUDN. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2016, no. 1, pp. 115–125.

Информация об авторе

И.Л. Ильичева – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета (адрес: 220034, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, д. 21).

Information about the author

Inna L. Ilyicheva, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Speech Science and Communication Theory, Minsk State Linguistic University (address: ul. Zakharova 21, Minsk, 220034, Republic of Belarus).

Поступила в редакцию 27.08.2024
Одобрена после рецензирования 10.10.2024
Принята к публикации 11.10.2024

Submitted 27 August 2024
Approved after reviewing 10 October 2024
Accepted for publication 11 October 2024